

УДК 316.662.2(73)

Судаков С.С.*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации***СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ
«АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ»**

Аннотация. В данной статье раскрываются культурные основания, формы и закономерности динамики мифологема «американская исключительность». Автор обосновывает три основные закономерности, которые объективно проявились в результате утверждения в жизни граждан США данной объединяющей их мифологема. Выделяются основные тенденции в истории развития страны и исследуемой мифологема. Обосновываются объективные причины и субъективные факторы, которые предопределили устойчивые тенденции в изменении форм мифологема, а также устойчивых её связей с государственной политикой страны, с моральными ценностями, с изменениями в общественном сознании и самосознании граждан.

Ключевые слова: мифологема, общественное сознание, исключительность, американская исключительность, динамика, политические интересы, феномен.

S. Sudakov*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation***SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE DYNAMICS
OF "AMERICAN EXCEPTIONALISM"**

Abstract. This article deals with cultural foundation, forms and patterns of the mythologem "American exceptionalism". "American exceptionalism" was an integrating factor for American nation that brought to life three basic regularities. The author highlights the major trends in the history of the country and the dynamics of the mythologem under study and substantiates objective reasons and subjective factors which determined sustainable tendencies in the dynamics of the forms of "American exceptionalism" as well as its ties with the state policy, moral values, changes in public and individual consciousness.

Key words: mythologem, public consciousness, exclusivity, American exceptionalism, dynamics, political interests, phenomenon.

Сегодня в научной литературе активно осмысливается феномен мифологема «американская исключительность», который был осознанно внедрён в общественное сознание и идеологию США на определённом этапе становления данного государства.

С изменением особенностей и содержания жизни людей, которые создали новое государство на территории американского континента, с появлением но-

вых культурных достижений в материальной и духовной сферах, а также с необходимостью разрешать возникающие противоречия мифологема «американская исключительность» приобретала новые формы, статус и роль. Данный процесс, преломляясь и воплощаясь в новых формах, приобретал определённую тенденцию, направленность, что отражалось и закреплялось в таком понятии, как «динамика американской исключительности».

Основанием данного процесса было формирование и утверждение в сознании граждан страны совокупности этических воззрений, определённой системы ценностей, принципов, норм и правил. Они не только способствовали большей эффективности агитационного и пропагандистского воздействия государственных СМИ на умы людей, но и обеспечивали своеобразную «безупречность» рассматриваемой мифологемы в отношении мировоззренческих установок, которые были «нужны», поскольку конкретизировали цель и смысл бытия этих людей. Например, с моральных позиций эти ценности обосновывали:

- суверенность бытия человека и самого человека;
- диалектику свободы самого человека, а также прав и обязанностей каждого гражданина перед сообществом;
- равенство всех граждан в отношениях между собой;
- высшую ценность – жизнь человека;
- сохранение и приумножение государства этих граждан как самого справедливого и единственного в мире.

Характерным являлось то, что моральное измерение развития мифологемы «американская исключи-

тельность» обуславливало появление различных благ. К ним можно отнести:

- позитивные изменения в содержании общественных отношений внутри страны;
- открытость идеологии и политики государственной власти в стране;
- достаточно высокие нравственные личностные качества «отцов-основателей» американского государства;
- становление таких социально-экономических условий, которые обуславливали более высокий уровень развития американского общества по сравнению с другими странами мира.

Следует отметить, что в рамках изменения социально-экономических условий, которые привели американское общество к позитивному развитию, использовалось «вмешательство» государства в экономику. Оно имело следующие формы: регулирование, регламентация, финансовая поддержка в виде правительственных дотаций для поощрения промышленности и лотерей, предоставление различного рода привилегий, доходящих иногда до монополии. Немаловажное значение во многих штатах имели прямые правительственные инвестиции в различные компании, деятельность которых считалась особо важной для экономического развития.

Можно сказать, что в экономической сфере мифологеме «американской исключительности» более созвучными, более притягательными оказались политические шаги государственных руководителей «джефферсоновского» и «джексоновского» движений. Они не только обосновывали идею о безграничных возможностях Америки и «простого человека», о мудрости и

компетентности «простого человека», способного самым наилучшим образом позаботиться о своей жизни и сделать всё собственными силами, но и реально воплощали их в жизнь.

В целом, в период до первой половины XX в. развитие мифологемы «американская исключительность» происходило следующим образом: от мифа к логосу – от логоса к «идеологеме» – от «идеологемы» к государственной политике – от государственной политики к общественному сознанию – от общественного сознания к самосознанию граждан страны.

Социально-философский анализ этих изменений позволяет выделить следующие тенденции-закономерности.

Во-первых, закономерностью развития мифологемы «американская исключительность» является взаимообусловленный синтез индивидуализма и коллективизма, детерминирующий формирование «американской мечты».

Справедливости ради необходимо сказать, что эту тенденцию в определённой мере уже выделяли новоанглийские трансценденталисты и романтики [5, p. 405].

Характер воздействия данной идеи на людей в процессе освоения новых земель был таков, что это нашло отражение не только в общественном мнении, но и в политике государства.

Согласно индивидуализму, главной движущей силой развития общества и человека является он сам. Знаменитая формула «**self – made – man**» составляет имманентно присущие только человеку внутренние цели, средства, противоречия. Потенциал человека выступает как саморазвивающаяся система, содержание которой не зависит от социокультурных условий её бытия,

от степени развитости социума и его сфер жизнедеятельности.

Иными словами, в определённом содружестве индивидуализма и коллективизма в американском национальном сознании стала занимать установка на успех или так называемая «американская мечта».

Во-вторых, закономерным в развитии мифологемы «американской исключительности» является единство процессов дифференциации и интеграции её различных форм, сочетания идеологемы и реальной политики государства. Данная тенденция обнаруживает следующее: развитие «американской исключительности» осуществлялось и осуществляется в единстве не только индивидуализма и коллективизма, как двух противоречащих тенденций, имеющих по факту иногда противоположные (и иногда – взаимоисключающие) направленности, но и в рамках устойчивого симбиоза мифологемы как государственной идеологии и реальной внутренней и внешней политики государства.

Взаимосвязь и взаимообусловленность мифологемы и государственной политики в динамике «американской исключительности» достаточно наглядно просматривалось и во внешней политике США. Наиболее образно данная взаимообусловленность была отражена в «формуле» внешней политики, сформулированной Т. Джефферсоном. Она звучала следующим образом: «Мир, торговля, честная дружба со всеми нациями, обязывающих союзов – ни с кем» [4, с. 238].

В сущности, взаимосвязь «американской исключительности» и государственной политики, в контексте динамики данной мифологемы,

обуславливалась тем, что политика США, с момента их образования, характеризовалась следованием двум принципам: федерализму и системе сдержек и противовесов.

Следует отметить, что данные регулятивы были разработаны, чтобы предотвратить чрезмерное усиление отдельных лиц, фракций, регионов или правительственных органов. А это и есть воплощение «американской исключительности» посредством государственной политики в реальную канву бытия страны.

Сегодня связь мифологемы и государственной политики закреплена в государственной идеологии – «американизме», которая насчитывает множество форм проявления этого феномена. Наиболее полно она проявляется во внешней политике США.

В-третьих, в качестве закономерности развития мифологемы «американская исключительность» следует выделить возрастающее включение в её содержание «формального» морально-нравственного содержания. Это проявляется в том, что развитие «американской исключительности» стало соотноситься и соизмеряться с «постулируемыми» ценностями бытия человека и человечества, с его будущим, базирующимся на «американской» трактовке блага и связанных с ним понятиях «добра» и «зла».

Иными словами, процессы изменений в мифологеме «американская исключительность» в её формах «наполнялись» трактуемыми, в большей степени, государственными учреждениями, рядом религиозных и общественных организаций, СМИ «совместно американскими элементами моральных ценностей».

Конечно, в первую очередь такими моральными ценностями стали те, которые обеспечивали экономический рост страны. А это было фактом практически «повседневного опыта». По этому поводу известный немецкий социолог, философ, историк, политический экономист М. Вебер сказал, что идеалом для американского капитализма является «кредитоспособный «честный» человек». Для него характерно «сознание» обязанности для каждого умножить свой капитал, ибо это есть его самоцель, вопрос долга. Учёный отмечал: «Это уже не житейский приём, а своеобразная «этика», нарушение которой рассматривалось не только как неразумность, но и как своего рода нарушение долга. Это уже не деловитость, здесь её присутствует немало, а целый этос. Он требует от человека преданности «делу», призвания, заключающегося в добывании всё новых и новых денег, ибо именно такая преданность связана теснейшим образом с победой в борьбе за экономическое существование» [1, с. 64].

Как результат, деловые люди превратились в признанных лидеров нации. Хвалебные биографии бизнесменов стали популярным и прибыльным литературным жанром. При этом даже юристы, призванные, казалось бы, стоять на страже законности и справедливости, превратили свою профессию в прибыльный бизнес.

В содержание моральных ценностей мифологемы «американская исключительность» стал активно внедряться «утилитарно-прагматический» компонент.

Коснулся он и религиозных оснований мифологемы. А это очень важно, так как в жизни граждан США в боль-

шой степени присутствует религиозный фактор. Однако, связь моральных ценностей, религиозных канонов и экономических успехов оказалась удивительно «переплетённой».

На это обратил внимание один из самых влиятельных религиозных деятелей и теоретиков XX в. Р. Нибур. Он подчеркнул, что американцы являются «одновременно самым религиозным и самым секулярным народом в мире». Всё дело в том, считал он, что американская религиозность «объясняется существованием у нас религии в двух формах: одна осуждает евангелие процветания, успеха и достижения рая на земле, другая же претендует на обеспечение религиозных инструментов для достижения этих целей» [2, с. 36].

В действительности получалось, что в процессе динамики «американская исключительность» пришла к тому, что допустила в рамках общепринятых морально-этических норм и принципов самую широкую свободу мнений и действий. Например, критика высокопоставленных государственных и политических деятелей, включая и президента страны, стала своеобразной американской традицией. По этому поводу историк У. Манчестер писал: «Эндрю Джексона изображали нарушителем супружеской верности, Линкольна – обезьяной, Гарри Трумэна – неудачным торговцем галантереей, Томас Джефферсон был «сумасшедшим Томом». Досталось даже Вашингтону» [3, с. 64]. Как отмечалось исследователем, Вашингтон восклицал, что его обвиняют в том, что он является врагом Америки и находится под влиянием иностранной державы. Более того, президент досадовал, что каждый шаг его правительства иска-

жается «в таких преувеличенных и неприличных выражениях, которые вряд ли можно было бы употребить по отношению к Нерону, общеизвестному банкроту, или даже к обыкновенному карманному вору» [3, с. 64].

Исследовав основные компоненты «американской исключительности», Г. Кроули сделал следующее обобщение: «Свобода мнений, которой мы гордимся, большей частью состояла в провозглашении приемлемых общепринятых мнений с такой вызывающей убеждённой, как будто мы провозглашаем самую дерзкую и возвеличенную ересь. Составляя такой парад единообразия интеллектуальной независимости, американец сознательно неискренен. Он готов бороться за свои убеждения, но его действительно фундаментальные убеждения ограничены рамками общепринятых мнений, стандартов и стереотипов. Его различия с остальными согражданами – это различия в отдельных интересах и деталях. Когда американец громко провозглашает свою веру, он во многом напоминает буйвола, который, вырвавшись из стойла, с фырканьем носится вокруг скотного двора, при этом кидаясь на всех в пределах досягаемости своих рогов. Так, приводимый в пример буйвол вполне может считать, что он предлагает миру самое лучшее проявление агрессивной индивидуальности, в то время как в действительности он ведёт себя так же, как все буйволы с начала своего приручения» [6, р. 420–421].

Примерно о таком же аспекте моральной ценности, включённой в «американскую исключительность», писали Дж. Нэйтан и Г. Менкен. Они отмечали: «То, что лежит за внешней

смелостью (американца), – это в действительности не независимый дух, а талант кричать вместе с толпой. Когда американец чрезвычайно самоуверен, это явный признак того, что он чувствует за собой толпу, слышит её поощрительные крики и убеждён в том, что его доктрина одобряется. Он вовсе не бескорыстный соучастник. Он присоединяется к чему-либо, будь то политическая партия, церковь, братская организация или же одна из идиотских организаций, которые постоянно опустошают страну, поскольку присоединение даёт ему чувство безопасности, делает его частью чего-то большего и более надёжного, чем он сам, представляет ему шанс дать выход своим чувствам и энергии, ничем не рискуя» [7, р. 241–242].

Следует обратить внимание на то, что в значительной мере конформизм – это путь обеспечения респектабельности тем, кто не уверен в том, что они в достаточной степени респектабельны в данной общности, принятия в которую они добиваются. Особенно наглядно это проявлялось в процессе «американизации» следовавших друг за другом поколений американских иммигрантов. Очутившись среди незнакомого социального окружения, непривычных природных условий, иммигрант оказывался перед объек-

тивной необходимостью быстро адаптироваться, по крайней мере внешне, к общепринятым нормам и стандартам поведения. Приспособление – это необходимый компонент включения в структуру нового общества. Следовательно, данная моральная составляющая, утверждающая ценность стандартов, действующих в США, – это есть распространение форм моральных ценностей в жизнь граждан страны.

Таковы закономерности динамики «американской исключительности» и её содержания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1983. 808 с.
2. Кислова А.А. Христианский социализм. М.: Наука, 1976. 207 с.
3. Манчестер У. Убийство президента Кеннеди. М.: Прогресс, 1969. 560 с.
4. Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. Томас Джефферсон. М.: Мысль, 1976. 393 с.
5. Cooper B., Kornberg A., Mishler W. The Resurgence of Conservatism in Anglo-American Democracies. N.Y.: Duke University Press, 1988. 464 p.
6. Croly, Herbert. The Promise Of American Life. N.Y.: Create Space Independent Publishing Platform, 2013. 330 p.
7. Mencken H.L., Nathan G.J. The American Credo a Contribution Toward the Interpretation of the National Mind. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1920. 192 p.